

УДК 82-95``19``
ББК 83.3(2)

С. И. Кормилов

**ПРОЩАНИЕ
С СОЦРЕАЛИЗМОМ.
СПОРЫ В КРИТИКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
1980-х годов
О МЕТОДАХ СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Отказ от догм социалистического реализма во второй половине 1980-х гг. привел к бурной полемике о правомерности самого этого понятия. В итоге критики-публицисты, писавшие для непрофессиональных читателей, и часть историков литературы отказались признавать в социалистическом реализме подлинно реалистический элемент. Другая часть ученых, прежде всего теоретики литературы, признали, что изначально это была особая разновидность реализма (с социалистическим идеалом), но потом она выродилась в догматический официоз.

Ключевые слова: *художественный метод, социалистический реализм, нормативизм, догма, «перестройка».*

Кормилов Сергей Иванович – докт. филол. наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Тел.: 8(499) 155-96-50,
8(905) 570-20-18;
e-mail: profkormilov@mail.ru

© С. И. Кормилов, 2010 г.

С 1990-х гг. российская критика употребляет словосочетание «социалистический реализм» исключительно в негативном значении. Литературоведы академического толка обычно относятся к нему спокойнее, признают историческое существование социалистического реализма именно как разновидности реализма (с социалистическим идеалом)¹, которая, однако, в тоталитарную эпоху выродилась в идеологизированный, догматический нормативизм, сохранив прежнее название.

Такое положение в критике и литературоведении сложилось не сразу. Ему предшествовала сравнительно непродолжительная, но бурная идейная борьба в период «перестройки», пик которой пришелся на 1989 г. Ныне это предано забвению. В хронике литературной жизни 1986–2000 гг., составленной Н. Б. Ивановой, под 1989 г. никакие дискуссии о социалистическом реализме, будоражившие тогда читателей, не упоминаются, хотя раздел, посвященный этому году, носит заглавие «Война за культуру дискуссий» [Иванова, с. 315–325]. В аналогичной хронике С. И. Чуприна за 1986–2008 гг. под 1989-м о том, что имеет отношение к художественным методам, только и сказано применительно к 8 февраля: «Статьи Сергея Чуприна “Другая проза” и Дмитрия Урнова “Плохая проза”, опубликованные в “Литературной газете”, легализуют в российской печати авангардистскую и постмодернистскую литературу» [Чупринин, с. 31].

В монографии Биргит Менцель о критике периода «перестройки» часть «Две характерные дискуссии» содержит главы «Переоценка классического наследия» и «“Другая литература” / постмодернизм» [Менцель, с. 178–212, 213–255], а о дискуссии по проблеме соцреализма речи нет. Полностью игнорируются теоретические дискуссии конца 80-х в главе «Критика на рубеже 1980–1990-х годов» первого учебника по истории критики XX в. [Голубков, 2008, с. 298–319].

Непосредственно данной теме были посвящены лишь две краткие статьи одного автора под одним и тем же названием, но не совпадающие в текстах буквально [Белоус, 2006, с. 344–348; 2008, с. 492–494]. Материал, привлеченный в новой работе этого автора [Белоус, 2010], здесь можно не затрагивать. Других выступлений по проблеме социалистического реализма было предостаточно, и в горячих спорах их участники как правило не приходили даже к относительному согласию. Это важно для понимания атмосферы того сложного и живого переходного времени.

В 1960-е — первой половине 1980-х гг. критики и литературоведы пытались сказать что-то новое о методах советской литературы (эмигрантской словно не существовало), но чаще всего безуспешно. Больше говорили об одном методе — социалистическом реализме [Кормилов, 2009], универсализируя его. Например, Д. Ф. Марков с его схоластической теорией социалистического реализма как «исторически открытой системы» утверждал, что сложившаяся социалистическая культура уже *«является по существу культурой общечеловеческой»* [Марков, 1983, с. 24], а социалистический реализм *«сливается с общими свойствами правдивого искусства, равнозначен ему по своему содержанию»* [Марков, 1972, с. 83]. Тезис же об «исторической» открытости восхваляемого метода был как раз в высшей степени неисторичным. При его доведении до логического конца получилось бы, что и после задуманного марксистами построения коммунизма в литературе все равно остался бы социалистический реализм и вообще кроме него в будущем ничего не может быть. В условиях официальной поддержки такой теории была возможность только бегло упомянуть зарождающиеся «элементы метода будущей литературы» [Кормилов, 1981, с. 152], литературы общечеловеческого детерминизма.

С началом «перестройки» активизировались сторонники идеи плюрализма методов в советской литературе. 24 сентября 1986 г. в «Литературной газете» И.Ф. Волков выделил в советской литературе 20-х гг. критический реализм (М. Булгаков, В. Шишков), романтическую литературу (наряду с творчеством А. Грина он счел возможным отнести сюда пролетарскую поэзию, не учитывая ее активно антиличностную направленность) и различные течения модернизма, *«особенно символизм и футуризм»*. Автор приветствовал утверждение на рубеже 20–30-х гг. социалистического реализма в лице Шолохова, А. Толстого, Леонова,

Твардовского, отличая от их произведений появившиеся в 30–50-е гг. *«произведения нормативного толка, своеобразного классицизма, а то и просто схематичные, поверхностные либо “лакировочные” и парадные»* [Волков, с. 3]. Через месяц П. А. Николаев констатировал: *«У нас в последние десятилетия вполне мирно уживаются рядом реализм, романтизм, натурализм, сентиментализм»*. Он говорил также об *«иллюстрировании идей»*, при котором *«трудно ждать большого творческого успеха»* [Николаев, 1986, с. 4].

Первоначально возрожденная идея плюрализма методов не привлекла должного внимания. В. Лукьянин спустя полгода согласился с П. Николаевым в том, что *«не все публикуемое (даже талантливое) можно отнести к реализму»* [там же], но сосредоточился на тех именах и произведениях современной литературы (со своеобразной тематикой, коллизиями, художественными приемами), которые *«никто не попытался рассмотреть <...> через призму понятия “социалистический реализм”»* [Лукьянин, с. 2]. Назывались давние произведения Б. Можая и В. Белова, упоминались Ю. Трифонов и В. Шукшин, производственно-публицистическая драматургия и драматургия «новой волны», опыт «сорокалетних» и недавние острокритические вещи. Во всем этом далеко не равнозначном материале В. Лукьянин видел углубление социалистического реализма без какого-либо «посягания» на его «основы», недаром статья имела заглавие *«Устаревшие формулы и незыблемость сути»*.

Аналогичной по смыслу и даже более традиционной была статья узбекского критика Н. Худайбергана *«Черно-белые краски и правда жизни»*, напечатанная вскоре после того, как на пленуме совета по критике и литературоведению СП СССР *«среди прочих высказывалась и такая точка зрения: метод социалистического реализма устарел, советской литературе надо от него отказаться»* (редакционное предисловие). Н. Худайбергана возражал слишком ревностным хранителям устоев, например историку М. Вахабову, который в статье *«Правде истории вопреки»* (газета «Правда Востока». 1986. 4 декабря) обвинял роман П. Кадырова *«Звездные ночи»* в том, что он *«совершенно отходит от позиции социалистического реализма в сторону мелкобуржуазного романтизма»*; но сам критик не предложил никакой более грамотной концепции, кроме традиционной концепции единственного метода: *«Творческий метод советской литературы должен трактоваться как незыблемое художественное орудие познания жизни во всей ее социальной сложности и глубине. Всякие внешне привлекательные, но в сущности догматические, демагогические принципы подхода к неординарным, острым явлениям в жизни и литературе должны быть отвергнуты»* [Худайбергана, с. 2].

Почти одновременно стиховед Б. П. Гончаров, применявший социологизм даже к метрике, выступил в поддержку не только единственно-

сти «нашего метода», но и, в отличие от В. Лукьянина, его формулировки, записанной в уставе Союза советских писателей 1934 г. По мнению Б. Гончарова, «не так уж устарела эта формулировка», поскольку современные произведения («Пожар» В. Распутина и другой «Пожар» — А. Ткаченко) написаны «**во имя революционного развития действительности**» [Гончаров, с. 3]. Очень скоро стало абсолютно ясно, что В. Распутин предпочитал эволюционное развитие. Но главное — в уставе говорилось не просто об идеале («во имя» чего), а непосредственно об изображении «действительности в ее революционном развитии», что скорее является требованием к сюжету, чем к методу. А. Байгушев в журнале «Молодая гвардия» весьма эмоционально отреагировал на мнение П. Николаева и В. Лукьянина о том, что не всё в современной литературе можно отнести к реализму: «Однако к чему же тогда? Неужели все-таки к модернизму?!» [Байгушев, с. 233]. Здесь и мистический ужас перед модернизмом, и полное отсутствие мысли о каких-то других возможностях. «В дискуссию о социалистическом реализме журнал “Наш современник” вступил статьей Ю. Сохрякова “Ненавидеть зло сейчас мало” (№ 12 за 1987 год), где критик отвергал тот факт, что МСР (метод соцреализма. — С. К.) создавался по указке отдельных лиц для обработки масс в определенном идеологическом духе» [Белоус, 2006, с. 345].

Правда, далеко не либеральный, но с 1960-х гг. проводивший идею существования «социалистического романтизма» критик А. И. Овчаренко в юбилейной (написанной к 70-летней годовщине революции) статье «Революция и литература»² (Москва. 1987. № 11), «превознося социалистический реализм, вместе с тем напоминал коллегам о возможности говорить про другие <...> направления в литературе: критический реализм, натурализм, модернизм и революционный романтизм» [Белоус, 2008, с. 494].

На таком фоне еще в первой трети 1988 г. сильно и оригинально прозвучала статья Е.А. Добренко «Превратности метода», в которой за пределы социалистического реализма выводилась лакировочная и односторонняя литература, но сам метод, объясняемый просто как правда жизни, сомнению не подвергался. Вместе с тем говорилось о произведениях Замятина, Платонова, Булгакова, Пильняка, с одной стороны, и Серафимовича, Фадеева, с другой: «Это разные методы». О методе не получавших официальной поддержки писателей было сказано как о «вершинном явлении реализма» [Добренко, с. 184]³. Но обоснования его особенностей именно как метода Добренко не предложил.

13 апреля 1988 г. «Литературная газета» напечатала ответы ряда литературоведов на анкету о социалистическом реализме. Никто из профессионалов-теоретиков его не отрицал. В. Н. Захаров, как это уже не раз делалось, призвал построить новую теорию социалистического реализма на основе реального богатейшего опыта литературы, а В. В. Ку-

рилов — реабилитировать этот метод с опорой на классику, прежде всего «Тихий Дон». М. М. Гиршман, А. М. Гуторов, В. В. Эйдинова отнесли произведения, ставшие достоянием широкого советского читателя лишь в последнее время (в том числе произведения Булгакова, Платонова, Ахматовой), к социалистическому реализму или во всяком случае объединили их на некоей широкой платформе с «Тихим Доном», творчеством Твардовского — с тем, что традиционно не вызывало сомнений в принадлежности к социалистическому реализму, хотя это и не во всем соответствовало действительности. Осторожный В.И. Тюпа обтекаемо, не ссылаясь на материал, заметил: *«Нынешняя теория социалистического реализма стремится к построению непротиворечивой модели, а между тем развивающееся явление, как известно, немыслимо без движущей силы диалектических противоречий»* [Социалистический..., с. 3]. В.В. Прозоров, как ранее П.А. Николаев, нашел корректным говорить применительно к советской литературе о реализме, романтизме, сентиментализме, модернизме, а В.М. Переверзин, подобно И.Ф. Волкову, — о критическом реализме (на примере «Собачьего сердца» Булгакова).

Через полтора месяца та же газета опубликовала материалы «круглого стола» на тему «Отказываться ли нам от социалистического реализма?» В.И. Гусев признал правомерность данного термина с социально-идеологической точки зрения, подчеркнув, что сущность искусства глубже этого, и отнес к социалистическому реализму как «Поднятую целину» М.А. Шолохова (при всех претензиях к ней), так и «Котлован» А.П. Платонова. Р.Т. Киреев резко выступил против монополизации, за плюрализм методов, не отрицая социалистический реализм вообще, но оговаривая: *«Сейчас такое клеймо пытаются ставить на возрожденных книгах Платонова, на романе Гроссмана «Жизнь и судьба», а там, глядишь, дело до Набокова дойдет»*. Ю.Б. Борев определил термин «социалистический реализм» как *«вульгарно-социологический кентавр»*, слияние политического термина с эстетическим. *«По этой же схеме создали понятия “революционный” и “реакционный” романтизм, от которых наша эстетика давно отказалась»*. Вместе с тем Ю.Б. Борев утверждал, что В. Гроссман в «Жизни и судьбе», А. Бек в «Новом назначении», А. Твардовский в поэме «По праву памяти» *«отошли не от социалистического реализма, а от установленных бюрократией границ его применения»*, но существенная часть нашего искусства в рамки социалистического реализма не вмещается («Мастер и Маргарита», «Чевенгур», «Реквием», «Алые паруса»). *«Возможны разные пути теоретического описания нашей художественной ситуации: или ввести в обиход другие методы (бытийный реализм? романтизм?) наряду с социалистическим реализмом, или расширить емкость последнего при новом его определении, а возможно, и переименовании»*, — заявлял Борев. В поддержку социалистического реализма, очищенного от идеализации, выступил В.А. Сурганов, оговоривший, что он не стал бы категорически «разво-

дить» Платонова и Шолохова: *«Ибо можем ли мы утверждать, что в «Чевенгуре» автор отвергает, а не защищает идеалы Революции?»* [Отказываться..., с. 3]. И.Ф. Волков поддержал не только понятие, но и термин «социалистический реализм» и развил свою давнюю, по его словам, идею разных методов советской литературы. Критический реализм теперь отмечается не только у Булгакова, но и в «Пушкинском доме» А. Битова; в «Московской улице» Б. Ямпольского усматриваются принципы, близкие к экспрессионизму. Член редколлегии «Литературной газеты» С. Д. Селиванова, подводя итоги дискуссии, назвала попытки отказаться от социалистического реализма слишком поспешными.

В дальнейшем газета дала еще несколько публикаций на эту тему. М.М. Голубков активно поддержал идею плюрализма методов и возвел «Печальный детектив» В. Астафьева, «Пожар» и даже «Прощание с Матерой» В. Распутина к опыту сентименталистов, *«искавших добро и зло вне социальных и исторических закономерностей, но лишь в тайниках души <...>»* [Голубков, 1988, с. 3]. Социалистический реализм при этом рассматривался как метод, отличающийся прежде всего единством концепции личности, идеалом *«непрерывно растущего человека»*. В качестве разных его проявлений были названы, кроме советской классики, «Буранный полустанок» Ч. Айтматова и повесть В. Маканина «Один и одна».

Но читательские письма говорили о настроениях радикально-отрицательных. В номере «Литературной газеты» от 20 июля 1988 г. искусствовед Е. Рубаха, художник А. Биянов, журналист А. Гусовский выступили за отказ от социалистического реализма, вообще от понятия метода, связывая с ним политизацию и догматизацию искусства. Читатель Г. Андриянов высказывался против раздувания понятия «социалистический реализм» за счет всяких добавлений, относя его к нормативной эстетике. Филолог М. С. Строганов также сомневался в целесообразности понятия «метод» применительно к литературе XX в., не отвергая, впрочем, его целиком, отмечая официальную поддержку *«нормативного метода»*. Во всей подборке лишь письмо философа И. Жукова «Остается ведущим» утверждало ведущую роль социалистического реализма, да и то говорилось о переориентации в наше время, время критического осмысления действительности, значительной части советской литературы на критический реализм (к которому отнесена также проза Зощенко, Ильфа и Петрова) [Социалистический..., с. 6].

«Новый мир» в № 9 за 1988 г. напечатал две статьи, непосредственно посвященные проблеме социалистического реализма. В первой из них автор, Е.А. Сергеев, возражал против «самого прогрессивного метода», утверждал, что ранние произведения А.А. Фадеева, М.А. Шолохова, А.Н. Толстого *«к классике соцреализма <...> приписаны задним числом»*, что их позднейшие произведения не выдерживают сравнения с ранними. Е.А. Сергеев справедливо констатирует, что теоретики пишут

о соцреализме только на примере Горького, Фурманова, Серафимовича, Гладкова, и делает вывод о неприменимости этого понятия к современности, так как *«нет уже практически (остались лишь редкие рецидивы) и самого этого метода. Литература отказалась от него на рубеже 60-х годов. Отказалась дружно и резко, потому что резко изменилась жизнь...»* [Сергеев, с. 142, 143]⁴. Автор предлагает сравнить ранние и поздние произведения П. Нилина, А. Яшина, К. Симонова, Ю. Трифонова. «Социалистический реализм» трактуется как *«самый неудачный»* термин: метод, *«названный в середине 30-х годов социалистическим реализмом, был чрезвычайно далек от реализма; и по форме и по сути он гораздо больше походил на классицизм»* [Сергеев, с. 145]. Это был по своей сути *«приказной»* метод. Е. Сергеев оспаривает статью Е. Добренко «Превратности метода» и выступления большинства литературоведов в «Литературной газете», он видит в расширении понятия «социалистический реализм» ту же логику, вывернутую наизнанку [Сергеев, с. 146].

Еще строже судил «социалистический реализм» публицист А. Гангнус. Основываясь на дореволюционных и отчасти позднейших высказываниях Горького и Луначарского, автор стремится доказать махистскую подоплеку теории социалистического реализма, в сущности отождествляет эту теорию, взятую как некое единство, с пролеткультовскими идеями и одновременно с рапповским неразличением творчества и идеологии. А. Гангнус не только категорически против попыток *«прописать в коммуналке соцреализма Булгакова, Платонова (бывало, и Солженицына), деревенщиков»*, но и против отнесения к социалистическому реализму «Жизни Клим Самгина» Горького: *«Возможно, именно <...> смутное чувство собственной вины заставило его как-то уж особенно беспощадно выволакивать пустозвонство и безответственность своего главного героя-интеллекта, несомненно сходного во многом с самим Горьким и с его ближайшими друзьями-единомышленниками»* [Гангнус, с. 157, 163]. Такой глобальный вывод, правда, делался на основании предположения о *«смутном чувстве»* Горького.

Отрицательная тенденция в отношении к социалистическому реализму укрепилась в 1989 г., хотя было и сопротивление ей. Год начался прямо противоположными по смыслу статьями Арк. Эльяшевича «Приглашение к разговору. Социалистический реализм вчера, сегодня... и завтра» (ленинградский журнал «Звезда». 1989. № 1) и Игоря Золотусского «Крушение абстракций» («Новый мир». 1989. № 1). Эльяшевич, известный тем, что в 1954 г., когда в критике наметились антидогматические тенденции, призывал создавать *«праздничную литературу»* [Эльяшевич, с. 184], и теперь *«был убежден в том, что социалистический реализм в 1989 году не только существовал, но и продолжал развиваться, приобретая новые черты <...>. Более того, возвращенная литература, как писал А. Эльяшевич, не подорвала авторитет метода, а при-*

дала ему стройные очертания и внутреннюю завершенность. Возрождение общечеловеческих нравственных ценностей, практически несовместимых с классовым подходом к явлениям и людям, А. Эльяшевич также вводил в весьма размытые рамки МСР.

Критик, рассуждая о соцреализме, не замечал разительных противоречий: он описывал ситуацию в литературе 30–50-х годов, когда герои существовали в «самом прекрасном и справедливом» обществе, и в словесности последних лет, по его мнению, утратившей представление об идеальной стерильности среды, о гармонии в отношениях общества и личности, народа и государства. А метод при этом, как следовало из рассуждений критика, писатели использовали один – соцреализм» [Беллуос, с. 346–347].

И. П. Золотусский, напротив, определял социалистический реализм как «теоретический фантом, который царствовал над литературой пятьдесят лет». По мнению критика, «только сейчас все увидели, что это Крошка Цахес, который утонул в собственном горшке» [Золотусский, 1989а, с. 236]⁵. Немного мягче выразился А. Егиазарян в анкете «О чем молчим? И почему?»: «<...> социалистический реализм чаще всего выступал нормативной категорией, средством обуздания свободной литературной стихии». Естественно, вновь открываемые пласты литературы прошлого А. Егиазарян отказался подводить под определения соцреализма и партийности, считая вместе с тем, что эти книги имеют огромное значение «именно для строительства социалистической культуры» [О чем молчим?..., с. 81, 82]. Когда главный редактор «Вопросов литературы» Д. М. Урнов во время международного «круглого стола» на тему «Социализм и литература» сказал, что сейчас ставить под вопрос такие понятия, как социалистический реализм и партийность, «поспешно и опрометчиво», А. Г. Бочаров заметил на это: «Я-то, грешным делом, такую попытку предпринял в ответах на анкету “Вопросов литературы”, и спасибо, что журнал опубликовал мое мнение (1988, № 11)» [Социализм..., с. 9, 26]⁶.

Напечатанный в марте 1989 г. первый проект нового устава Союза писателей уже не содержал словосочетания «социалистический реализм», но гласил, что при плюрализме мнений, многообразии эстетических исканий и литературных направлений Союз писателей последовательно поддерживает «произведения, реалистические по методу и социалистические по идеалу» [Устав..., 1989а, с. 3]. Показателен следующий факт. В.Е. Ковский еще в сентябре 1988 г. заявил, что пока «социалистический реализм» фактически служит удостоверением в идеологической «благонадежности», он, критик, «вынужден утверждать: А. Платонов, М. Булгаков, М. Зощенко, Б. Пастернак, А. Ахматова, О. Мандельштам – все они социалистические реалисты. А в современности – и Н. Рубцов, и В. Шукшин, и В. Семин, и Л. Петрушевская» [Ковский, с. 3]. По мнению В. Ковского, политизация научных проблем лишала

нас возможности объективно и научно обсуждать существо и функции этого метода. Но уже менее чем через год этот автор совместно с группой других выступил прежде всего против процитированного положения из проекта писательского устава: *«В творческом плане устав, стыдливо отказавшись от термина «социалистический реализм», продолжает навязывать всю его понятийную систему»* [Аким и др. ..., с. 3]⁷.

В.Г. Воздвиженский не отрицал соцреализм как определенную установку в поэмах Маяковского, «Разгроме» и «Поднятой целине», «Как закалялась сталь» и «Хождении по мукам», «Оптимистической трагедии» и «Кремлевских курсантах», отводил ему свое конкретно-историческое место в советской литературе, но утверждал, что социалистический реализм *«как эстетическая теория»* не помогает понять эстетическую природу советской литературы, не объясняет, *«чем отличается само художественное вещество “Тихого Дона” от “Войны и мира”, “Василия Теркина” — от “Кому на Руси жить хорошо”, “Оптимистической трагедии” — от пьес, скажем, Леонида Андреева»*, а это отличие, по мысли критика, должно было бы быть очевидно, *«как очевидно отличие художественного вещества произведений классического (“критического”) реализма от произведений, допустим, романтизма»* [Воздвиженский, с. 182]. Однако естественно, что очевидных различий между реализмом вообще и романтизмом больше, чем внутри реализма на разных стадиях его существования. Эту-то стадиальность В.Г. Воздвиженский в своих теоретических выводах никак не отмечал.

Еще проще поступал А.А. Урбан, противопоставляя в истории советской литературы «секретарский» социалистический реализм, «секретарскую» литературу *«от А. Фадеева и А. Суркова до Г. Маркова и С. Сартакова»* (ставя на одну доску достаточно различные исторически и эстетически явления) и *«задавленный»* социалистическим реализмом *«реализм в самом широком смысле слова — от Е. Замятина, Б. Пильняка, А. Платонова до Б. Пастернака, В. Гроссмана, В. Шаламова...»* [О чем молчим?..., с. 62], причем этот *«реализм в самом широком смысле слова»* (теоретически весьма уязвимое определение) также соединял различные с точки зрения метода художественные ценности. Читатель «Литературной газеты» научный работник А. Филаретов задел социалистический реализм даже в связи с защищаемой им эротикой в кино: *«<...> прилив секса, грубости и “бытовщины” на экраны есть совершенно неизбежный этап прорыва нашего кинематографа от кастрированного соцреализма к реализму истинному»* [Резонанс, с. 8]. Заместитель главного редактора журнала «Литературный Киргизстан» Н. Локтев обобщал в мировом масштабе: *«Искусство соцреализма, монополизировав право на творческие искания в стране, для всеобщей культуры XX века осталось слабой, недоношенной ветвью»* [Локтев, с. 133].

В печати появились высказывания о социалистическом реализме, исходящие из эмигрантских кругов. Были опубликованы эссе А. Д. Синяв-

ского более чем тридцатилетней давности «Что такое социалистический реализм»⁸ («Литературное обозрение». 1989. № 8) и его выступление на копенгагенской встрече деятелей культуры, в котором говорилось: «<...> я вдруг обнаружил, что социалистический реализм кончился или кончается. С этим фактом советскую литературу можно только поздравить. Уж очень много вреда принес искусству соцреализм». А. Синявский приветствовал в качестве «одной из форм раскрепощения» литературы «своего рода фантастический реализм как способ более углубленного постижения реальности» [Копенгагенская встреча..., с. 42, 43], приводя в пример повесть М. Кураева «Капитан Дикштейн». Скульптор Э. Неизвестный сказал советским интервьюерам, что социалистический реализм – метод идеологический, а не художественный, он не позволяет «отвечать на целый ряд вопросов глобального мировоззренческого порядка – жизнь, смерть, свобода, Бог, дьявол, вечность, ненависть, любовь... Короче, архетипные понятия, вы понимаете» [Васинский, Шальнев, с. 6].

В среде советских литературоведов и эстетиков крайние тенденции не получили решительной поддержки. А. Я. Зись в диалоге с непримиримым А.А. Гангнусом упрекнул его в неисторичности, подчеркнул, что при всех извращениях, при том, что «концепция социалистического реализма была использована сталинщиной в репрессивных целях», у нас тем не менее «есть замечательная литература, прекрасное искусство, и теперь дело не в том, назовем ли мы их творческий метод соцреализмом или иначе». Закljučая дискуссию, К.А. Степанян оговорил вопросы, оставшиеся непроясненными: если отбрасывать социалистический реализм, «то что предложить взамен, можно ли и насколько необходимо ставить вопрос о методе СОВРЕМЕННОЙ советской литературы или о различных ее методах и т. д.» [Мифы..., с. 37]. 11–12 мая 1989 г. в Институте мировой литературы состоялась конференция «История советской литературы: новый взгляд» [История..., с. 3]. Директор Института Ф. Ф. Кузнецов сообщал о спорах, которые шли на конференции вокруг социалистического реализма: «Верх одержала та точка зрения, что это явление прежде всего историко-литературное, за которым стояла объективная реальность: литература, искусство, вызванные к жизни Октябрьской революцией и выражавшие самосознание народа, строившего новую жизнь». Со ссылкой на доклад М. М. Голубкова Ф. Ф. Кузнецов разграничил настоящий творческий метод и нормативно-эстетическую систему, существовавшую в 40–50-е гг., – то и другое сейчас определяется одним и тем же термином [Кузнецов, с. 4]. «Разве не антиисторической является попытка критики объявить возникновение понятия социалистического реализма случайным, производным от воли одного человека? Ведь поиски формулы нового искусства шли с начала 20-х годов <...>» [Николаев, с. 9], – напоминал П. А. Николаев.

Тем не менее уже в конце 1989 г. резко отрицательные и пренебрежительные характеристики «соцреализма» в выступлениях писателей, художников и критиков практически подавили попытки литературоведов подойти к данному вопросу исторически и дифференцированно. Отрицание «соцреализма» стало чем-то само собой разумеющимся. Как выразился представитель «новой», «другой» прозы В. Пьецух, *«Горький выдумал социалистический реализм, который так же невозможен с эстетической точки зрения, как социалистическая стенокардия <...>»* [Пьецух, с. 245]. З. Абдуллаева определила термином «соцарт» застойную кинематографию и писала, что это, *«как утверждают знатоки, и есть “соцреализм сегодня”»* [Абдуллаева, с. 29, 30, 31]. Она иронизировала насчет нелепостей советской действительности: *«Франц Кафка должен быть объявлен классиком социалистического реализма, представившим феноменологию нашей типичной жизни в типичных же обстоятельствах»* [Абдуллаева, с. 26]. И. Глазунов в интервью сослался на едва ли не общее мнение работников его цеха: *«Соцреализм, как остроумно подметили художники, — это умение хвалить начальство в доступной для него форме. Еще французский мыслитель и великий писатель Камю обмолвился где-то: как же так? Реализм того, чего нет? Нет социализма, и вдруг реализм социализма... Нонсенс»* [Илья Глазунов ..., с. 9].

Критики, выступавшие в «Диалогах недели», проводимых «Литературной газетой», относили к «соцреализму» только те произведения, которые оценивались ими пренебрежительно. *«Высший образец соцреализма — “Интердевочка” Кунина»* [Бондаренко..., с. 2], — с сарказмом говорил В. Г. Бондаренко. На предположение А. М. Марченко, что в виде «другой» или «артистической» прозы, может быть, *«просто вернулся честный реализм, а мы, вскормленные безбелковой смесью остаточного соцреализма, не узнали его?»*, Е. Ю. Сидоров возразил: *«Артистизм был и у Андрея Вознесенского и Василия Шукшина, у Ивана Драча и Иманта Зиедониса, Фазиля Искандера и Андрея Битова, у Юнны Мориц и Владимира Орлова в «Альтисте Данилове», у Тимура Пулатова и Тимура Зулфикарова, а вот соцреализма уже не было»* [Марченко..., с. 2]. Чуть позже тот же критик сообщил: *«В одном из “Диалогов” я назвал романы П. Проскурина и А. Иванова “агонией соцреализма”. Видимо, это полемическое определение показалось редакции слишком сильным, и оно исчезло из текста без ведома автора. Придется его восстановить»* [«Диалог недели»..., с. 5].

Когда Г.Я. Бакланова спросили о том, остаются или исчезают *«такие понятия, как социалистический реализм, коммунистическая идейность, партийность литературы»*, писатель, по сути, признал их не имеющими и не имевшими значения, так как большое искусство долговременно и общечеловечно. При этом были названы «Война и мир», «Дон Кихот», «Братья Карамазовы», «Гамлет», «Божественная комедия», «Слово о полку Игореве». *«Искусство не надо вгонять в схему»* [Бакланов,

с. 3] — таково заключение писателя. Но значит ли это, что все произведения от «Слова о полку Игореве» до «Братьев Карамазовых», даже если не брать позднейшие, ничем не различаются по своим основным содержательным принципам? Общечеловеческое содержание может создаваться с помощью разных художественных методов (или основных содержательных творческих принципов, если признать сам термин «метод» дискредитированным).

Теоретическая неопределенность привела к тому, что в книге Г.А. Белой (скорее литературоведа, чем критика) о литературной группировке 1920-х гг. «Перевал» оказались два совершенно разных соцреализма. Исследовательница писала, что в 1932 г. «в критике поднялся бум, связанный с понятием “социалистический реализм”. Лишенное четких границ, это понятие было вполне определенной установкой на создание управляемого тенденциозного, нормативного, государственного искусства. Такое искусство существовало, и поэтому вряд ли правомерно относиться к понятию “социалистический реализм” как к сталинской выдумке. Другое дело, что подлинное искусство не вмещалось в его каноны, не соответствовало им, ибо имело совершенно иные параметры, цель и смысл» [Белая, с. 362]. А через пару десятков страниц — высказывание в духе теории Д.Ф. Маркова насчет «исторической открытости» соцреализма, которую в 70–80-е гг. многие считали прогрессивной и которая будто бы «утвердилась»: «Задолго до того как утвердилось понимание социалистического реализма как “открытой системы”, он (критик-“перевалец” А. Лежнев. — С. К.) подчеркивал его антинормативный, ориентированный на многообразие форм и стилей характер» [Белая, с. 385].

На самом деле ничего не утвердилось. Наиболее позитивный итог дискуссии 1980-х гг. по проблеме метода состоял в признании неудовлетворительности прежних представлений о «социалистическом реализме» и в не меньшей мере — невозможности дальше игнорировать «идею плюрализма творческих методов, которая буквально стучится ныне в дверь...» [Ковский, с. 3]. Стучится и до сих пор. В литературе XX в. было много художественных методов, но практически ни один из них удовлетворительно не определен, а теория от разработки этой проблемы уклоняется. Вот почему важно учитывать опыт прежних времен, пусть и не очень успешный.

Примечания

¹ Правда, даже из лучшего учебника теории литературы неясно, существовал ли в действительности социалистический реализм. Посвященного ему параграфа нет, он упоминается лишь в связи с его насаждением марксистской эстетикой [Хализев, с. 42, 112, 133, 331, 393].

² Овчаренко, очевидно, не помнил, что нашумевшая в первой половине 20-х книга еще не «реабилитированного» в 1987 г. Л. Д. Троицкого называлась «Литература и революция».

³ Л. В. Белоус неверно писала, будто «Е. Добренко в этой статье отождествлял социалистический реализм с реализмом вообще», но верно, что «позднее он под социалистическим реализмом понимал уже только сталинский нормативизм <...>». Далее опечатка — «внедидактического» вместо «дидактического» в словах «В статье Е. Добренко «Превратности метода» предлагалось пересмотреть теоретические основы соцреализма, избавить их от догматики, от внеисторического и внедидактического подхода к литературе, от устаревших приказных установок» [Белоус, 2006, с. 345].

⁴ Искусствовед С. Фрейлих отмечал «сходство стиля в искусстве тоталитарных режимов» — «черты ложного классицизма, проявившегося особенно наглядно в архитектуре и кино» [Фрейлих, с. 3]

⁵ Ср.: «Сейчас наши теоретики бьются над тем, как усовершенствовать социалистический реализм, приспособив его к настоящей минуте, реанимировать этот истлевший труп» [Золотусский, 1989б, с. 60].

⁶ Еще в 1987 г. А. Г. Бочаров утверждал, что формула социалистического реализма как исторически открытой системы правдивого изображения действительности (Д.Ф. Маркова) принята «большинством теоретиков и практиков» и что «социалистический реализм — метод живой, развивающийся, раскрывающий по мере движения самой литературы свои поистине безграничные потенциальные возможности» [Современная..., с. 145, 138].

⁷ Непосредственно против новой формулы ранее выступил А. А. Гангнус в диалоге с А.Я. Зисем [Мифы..., с. 3]. Второй вариант проекта устава уже не содержал ничего подобного [Устав..., 1989б, с. 2].

⁸ Именно там впервые говорилось: «По своему герою, содержанию, духу социалистический реализм гораздо ближе к русскому XVIII веку, чем к XIX. <...> «Осьмнадцатое столетие» родственно нам идеей государственной целесообразности, чувством собственного превосходства <...>. Мы пришли к классицизму. <...> социалистический реализм, пожалуй, имело бы смысл назвать социалистическим классицизмом» [Терц..., с.125, 128].

Литература

- Абдуллаева З.* Тройка, семерка, зеро...// Искусство кино. 1989. № 9.
- Аким Я., Грушко П., Ковский В., Кондратьев В., Курчаткин А., Сарнов Б., Строева М.* Какой Союз сегодня необходим // Литературная газета. 1989. 16 авг.
- Байгушев А.* Преодоление. Статья третья. Опыт созидания // Молодая гвардия. 1987. № 12.
- Бакланов Г.* Больше достоинства // Правда. 1989. 30 окт.
- Белая Г.* Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М., 1989.
- Белоус Л. В.* Дискуссии о методе социалистического реализма в литературной критике периода «перестройки» // Вопросы филологии. 2006. № 6.
- Белоус Л. В.* Дискуссии о методе социалистического реализма в литературной критике периода «перестройки» // Русская литература XX—XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: материалы Третьей Междунар. науч. конф. М., 2008.
- Белоус Л. В.* Участие журнала «Вопросы литературы» в полемике периода «перестройки» о методе социалистического реализма // Изв. Южного федерального университета. Филол. науки. 2010. № 1.
- Бондаренко В., Новиков В.* Не поговорить ли о литературе? // Литературная газета. 1989. 1 ноября.
- Васинский А., Шальнев А.* Эрнст Неизвестный: В искусстве нельзя приказывать... // Известия. 1989. 17 июня.
- Воздвиженский В.* Путь в казарму, или Еще раз о наследстве // Октябрь. 1989. № 5.
- Волков И.* «Чувство социальной ответственности» // Литературная газета. 1986. 24 сент.
- Гангнус А.* На руинах позитивной эстетики. Из истории одного термина // Новый мир. 1988. № 9.
- Голубков М.* Конкретика метода // Литературная газета. 1988. 24 авг.

- Голубков М. М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М., 2008.
- Гончаров Б. Короткое слово «лишь»... // Литературная газета. 1987. 29 июля.
- «Диалог недели»: итоги года // Литературная газета. 1990. 3 янв.
- Добренко Е. Превратности метода // Октябрь. 1988. № 3.
- Золотусский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1.
- Золотусский И. Куда ж нам плыть? // Юность. 1989. № 11.
- Иванова Н. Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век. СПб., 2003.
- Илья Глазунов: Беседа с «королем кича», как называют Илью Глазунова некоторые критики // Огонек. 1989. № 51.
- История советской литературы: новый взгляд // Литературная газета. 1989. 17 мая.
- Ковский В. Культ метода: причины и следствия // Литературная газета. 1988. 7 сент.
- Копенгагенская встреча деятелей культуры // Вопросы литературы. 1989. № 5.
- Кормилов С. Реализм: причины и следствия // Литературная учеба. 1981. № 3.
- Кормилов С. Споры о методах советской литературы в критике и литературоведении 1960-х — первой половины 1980-х годов // Изв. Южного федерального университета. Филол. науки. 2009. № 3.
- Кузнецов Ф. История советской литературы: новый взгляд // Литературная газета. 1989. 16 августа.
- Локтев Н. Возвращение Набокова. Заметки об интеллигентности в литературе // Литературный Киргизстан. 1989. № 8.
- Лукьянин В. Устаревшие формулы и незыблемость сути // Литературная газета. 1987. 1 апреля.
- Марков Д. О формах художественного обобщения в социалистическом реализме // Вопросы литературы. 1972. № 1.
- Марков Д. Системное единство социалистического реализма // Вопросы литературы. 1983. № 1.
- Марченко А., Сидоров Е. По закону надежды и идеала // Литературная газета. 1989. 27 дек.
- Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки / пер. с нем. Г. В. Снежинской. СПб., 2006.
- Мифы социалистического реализма? // Литературная газета. 1989. 17 мая.
- Николаев П. А. Критика как наука // Литературная газета. 1986. 22 окт.
- Николаев П. А. О терминах, и не только о них // НДВШ. Филол. науки. 1989. № 5.
- Отказываться ли нам от социалистического реализма? // Литературная газета. 1988. 25 мая.
- О чем молчим? И почему? // Вопросы литературы. 1989. № 1.
- Пьецух В. А вот почему я не коммунист // Иностранная литература. 1989. № 9.
- Резонанс. «Умрем без секса!» // Литературная газета. 1989. 27 сент.
- Сергеев Е. Несколько застарелых вопросов // Новый мир. 1988. № 9.
- Современная русская советская литература : в 2 ч. / под ред. А. Г. Бочарова и Г. А. Белой. Ч. 2. М., 1987.
- Социализм и литература // Вопросы литературы. 1989. № 4.
- Социалистический реализм: спорные проблемы // Литературная газета. 1988. 13 апреля.
- Терц Абрам / Синявский Андрей. Путешествие на Черную речку. М., 2002.
- Устав Союза писателей СССР. Проект // Литературная газета. 1989. 22 марта.
- Устав Союза писателей СССР. Проект // Литературная газета. 1989. 20 дек.
- Фрейлих С. Риск исторических параллелей. Размышления после Московского кинофестиваля // Известия. 1989. 2 авг.
- Хализев В. Е. Теория литературы : 5-е изд., испр. и доп. М., 2009.
- Худайбергенов Н. Черно-белые краски и правда жизни // Литературная газета. 1987. 22 июля.
- Чупринин С. Русская литература сегодня: новый путеводитель. М., 2009.
- Эльшевич Арк. Будни или праздники? // Звезда. 1954. № 10.